

комического эффекта – одна из основных функций зевгмы. Не случайно В. П. Брандес характеризовала зевгму как «...фигуру языкового комизма» [4], а Э. М. Береговская отмечала: «Когда речь идет о стилистической роли зевгмы, прежде всего, приходит на ум обширная область комического, одним из словесных средств которого зевгма является» [3].

Примеров семантической зевгмы у Жванецкого достаточно, например, в предложении ... *а мы вспомнили все это дружбой, напором и душевно-духовными качествами* [6, с. 19] отмечаем в паратактическом ряду несовместимые семантически однородные члены предложения при полной синтаксической однородности.

Из примера *Ты лежишь среди чужой речи, у тебя ампутирован язык, блеск, остроумие...* [8, с.127] очевидно, что глагол **ампутирован** относится к слову **язык** в прямом значении, а к словам **блеск, остроумие** – в переносном. В результате происходит смысловое расхождение на семантическом уровне, которое дает право говорить о наличии в предложении «семантически осложненной» зевгмы.

Далее представим морфологический состав зевгмы анализируемого материала, напомним при этом, что зевгма представляет собой схему, состоящую из ядерного слова и ряда однородных членов предложения. Чаще всего в роли ядерного слова выступают глаголы: как переходные, так и непереходные: *И опять дело кончится масонами, завмагами, армянами и мировой усталостью* [8, с. 17]. *Я выпишу тебе шалфей, боярышник и Прибалтику* [7, с. 171].

Достаточно часто в качестве опорного слова используются существительные, в том числе и отглагольные: *Ощущение опасности, пьянства и женщин* [8, с. 143]. *Дома у каждого неприятности: жена, квартира, зарплата* [6, с. 135].

Достаточно часто встречаем зевгматические конструкции, где в качестве опорного слова выступают местоимения, чаще всего личные: *И я лысый, и толстый, и бока, и на зеркало злюсь* [6, с. 28]. *А я еще с продуктами и ни в одном глазу* [6, с. 58].

Зевгматические конструкции, в которых отсутствует опорное слово, определяются как конструкции с нулевым компонентом: *Морщины в тридцать, мешки у глаз в тридцать пять, животы в сорок* [6, с. 218]. *Кольцо, сустав, очки, брюки серые потрепанные...* [6, с. 22]. В своей диссертационной работе «Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке» А. Н. Смолина предлагает такие конструкции классифицировать как зевгматическое перечисление.

Проанализировав произведения М. М. Жванецкого, мы приходим к выводу, что зевгма представлена здесь и как фигура речи с целью экономии средств, и как стилистический прием создания комического эффекта.

Литература

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. Береговская Э. М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. – 1985. – № 5. – С. 59-67.
3. Береговская Э. М. Экспрессивный синтаксис: Учебное пособие к спецкурсу. – Смоленск: Изд-во Смолен. гос. пед. ин-та, 1984. – 92 с.
4. Брандес М. П. Стилистический анализ (на материале немец. яз.). – М.: Высш. шк., 1971. – 189 с.
5. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. Шестидесятые. – М.: Время, 2002. – 253 с.
6. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 2. Семидесятые. – М.: Время, 2002. – 382 с.
7. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 3. Восемидесятые. – М.: Время, 2002. – 348 с.
8. Жванецкий М. М. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 4. Девяностые. – М.: Время, 2002. – 446 с.
9. Жванецкий М. М. Мой портфель. – К.: Махаон-Украина, 2006. – 348 с.
10. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: «Языки славянской культуры», 2002. – 525 с.
11. Смолина А. Н. Зевгматические конструкции в современном русском литературном языке: Дис. ... канд. филол. наук. – Красноярск, 2004. – 252 с.
12. Хазагерев Т. Г. Общая риторика: Курс лекций. – Ростов на/Д.: Феникс, 1999. – 320 с.

Колесниченко Н. Ю.

ЖЕНСКИЙ РОМАН В ГЕНДЕРНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

При том, что термин «гендер», обозначающий «социализированный пол, формирующийся у биологического пола под влиянием регулятивной деятельности общества», появился чуть более сорока лет назад [32], сегодня вряд ли найдется отрасль гуманитарного знания, в которой не было бы представлено собственное гендерное направление – (ср., напр.: «гендерная лингвистика, гендерная социология, гендерная антропология, гендерная психология» и т. п.). Поскольку в массе своей они заняты изучением одного гендера – женского (фемининного), определение «гендерный» стало, по сути дела, синонимом «женского», а выдлившаяся в самостоятельную науку гендерология привлекает «андрогаенные» («маскулинные») сведения преимущественно в компаративных целях.

Женская сущность гендерологии отражена и в заголовках основной массы статей, монографий, докладов: женщина в политике, науке, спорте, рекламе, бизнесе, юриспруденции, массовой коммуникации, внутренней и вербализованной речи и под. [4, 7, 20]. Даже из приведенного далеко не полного перечня тематической направленности гендерных публикаций очевидно, что ведущая роль в них принадлежит социологии, психологии, филологии. Нас интересует именно последняя.

Здесь, особенно в последние два-три десятилетия, сделано немало, – защищены десятки диссертаций, из них несколько докторских – см., напр., [2, 5, 15, [18], опубликованы интереснейшие наблюдения о женской речи, как устной [13, 14], так и письменной [8, 10, 21], о гендерных изменениях словаря [9, 11] и о женской прозе [1, 19]. О ней, к сожалению, совсем мало. Поэтому представляется, что ее исследование имеет актуальный и перспективный характер.

Начнем с уточнения понятия «женская проза». Говоря о ней, авторы публикаций нередко используют определение «так называемая», «so called» – ср., напр.: «женская проза – душераздирающее словосочетание, столкновение несовместимых величин. Или женщина, женское, женственность. Или проза» [17]; «так называемая женская проза все шире представлена в списках номинантов на Букера» [25, с. XIII]. Хотя еще совсем недавно ситуация носила совсем иной характер. Так, Тилли Олсен, американская писательница, приобретающая известность в самом начале 70-х годов, с горечью комстатировала в книге своих очерков 1979-го года, с

характерным названием «Умолчание»: «При существенном вкладе писательниц США в литературный процесс своей страны (свыше 20%), их по-прежнему замалчивают, и, например, в университетских курсах литературы США в списках рекомендованных авторов на 10-15 мужчин приходится одна женщина» [27, с. 25].

Во всех приведенных высказываниях «женская проза» понималась как проза, написанная женщинами. Но это – не единственное понимание и употребление термина. Так, например, «детская проза» пишется не детьми, но для детей. Детективная, приключенческая, психологическая проза определяются не авторством, как в первом случае, и не адресацией, как во втором, но своей содержательно-тематической направленностью. Иными словами, «женский» может использоваться применительно к адресанту-автору, и адресату-читателю, и жанру текста.

Эмансипация женщин, развитие движения феминизма, осмысление социально-культурологической позиции женщины в гендерных исследованиях – все это не могло не сказаться на всех трех возможных ипостасях женского романа: в процессе «новой самоидентификации» [3] были втянуты и женщины-авторы, и женщины-читательницы, и – отраженно – женщины-героини.

Свое наиболее концентрированное выражение «женскость» (*femininness*) получила в литературном жанре, названном в англоязычной терминологии *romance* – произведении, написанном женщиной, о женщине, для женщины [30, с. 9], [28, с. 836]. Британские исследователи относят термин к XVII веку, когда появились первые произведения о «незаконной любви» (*illicit love*), которые, в свою очередь, предвосхитили появление «Памелы» С. Ричардсона [33, с. 231] и позволили впоследствии отделить «серьезный» реалистический роман (*a novel*) от эмоционально насыщенного «продукта воображения» – любовного романа (*a romance*) [28]. Именно «любовный роман» (*Liebesroman*) стал «официальным» названием жанра в русском и немецком языках, хотя и более неопределенный «женский» (*Frauenroman*) тоже сохранился. При этом, однако, засилье переводов английских и американских авторов во всех странах Европы привело к укреплению термина *romance* и в Австрии, и в Германии, и в странах Скандинавии, Восточной Европы, и в России (напр., с 2002 г. Московское издательство АСТ совместно с издательством АСТРЕЛЬ начало выпускать ставшую необыкновенно популярной серию «Русский романс», в которой представляла не переводные, а отечественные произведения таких зарекомендовавших себя в данном жанре авторов, как Екатерина Вильмонт, Анна Дубчак, Ирина Потанина, Елена Ласкарева и др).

Об особенностях *романса (romance)* как жанра массовой литературы все более активно начали писать только в последней трети XX-го века. Констатируя эту ситуацию, автор и один из составителей сборника статей, посвященных развлекательной литературе, в 1998 г. писал: «До настоящего времени литературная критика обращала на *романс* очень мало внимания, <...> хотя это – наиболее активно раскупаемый жанр массовой литературы» [33, с. 229-230]. Исследователи по обе стороны Атлантического океана задавались вопросом – что делает эту весьма примитивную, стандартизованную литературу самой читаемой в мире [23], [31] и предлагают ответы:

«Жанры массовой литературы отличаются от прочих видов/типов письма тем, что они создаются (are being shaped) предположительными требованиями аудитории, а не творческим импульсом авторов, которые приспособляются (accommodate) к установившимся формулам жанра, существующим для того, чтобы гарантировать читателям повторение уже испытанного и запомнившегося удовольствия» [26, с. 144].

Или: «Вместо того, чтобы пренебрежительно отмахиваться от формулы счастья, предлагаемой Миллзом и Буном¹, зададимся вопросом: что означает успех жанра для адептов прогрессивной женской прозы? Или, проще говоря, почему плох счастливых конец? Что предлагает феминистский роман? Хлопнуть дверью? Оставить ее открытой в сомнительное будущее? Более утопический конец? Пока феминистский роман в неуверенности ищет свой путь, 250 миллионов женщин ждут и читают романс» [24, с. 215].

Из приведенных высказываний ясно, что «ответственность» за популяризацию и распространение романса несут не столько его создатели, сколько его потребители, которые «заказывают музыку», платят за нее и удовлетворяются ею.

Массовая литература – литература стандартов. Каждый из ее жанров имеет установившиеся каноны и действует в их пределах. Однако имеющиеся литературные стандарты изменяются под влиянием общественных перемен. Наиболее поразительными последние оказались в сфере проблематики, издавна обозначавшейся как «женский вопрос». Еще в 1879 г. Август Бебель рассматривал его как «только одну сторону общего социального вопроса», в связи с чем считал, что усилия феминисток ни к концу рабства, каким для бесчисленного множества женщин является брак, ни к концу проституции, ни к материальной независимости огромного числа жен от своих мужей не приведут [22].

Оставив в стороне мучительные пути обретения политического, социального, экономического равенства, обратимся к женскому роману, призванному отражать общественные и психологические сдвиги, и к его читательницам, эти сдвиги ощущающим и испытывающим.

Что дало женщине-читательнице, а также женщине-героине романса женское движение, наибольший накал которого выразился в феминизме, в свою очередь, проложившем дорогу гендерологии – ср.: «гендерные исследования своей проблематикой, языком теории и общим пафосом обязаны именно феминистской теории» [6, с. 7]?

Феминизм как самое радикальное направление женского движения принес женщине изменения не только и не столько социально-политического, сколько морально-этического и психологического характера. Радикализация настроений общества, особенно молодежи и женщин, охватившая Европу и Америку в 60-е годы и приведшая к активизации борьбы за права всех меньшинств, по прихоти истории, совпала с появлением первого орального контрацептива для женщин, огромная значимость которого отразилась в обозначении чудодейственной таблетки – *The pill* – «единственная, главная, основная». Именно она подвела физиологическую базу под сексуальное раскрепощение женщины, которое, в свою очередь, кардинально изменило ее личностные и общественные ориентиры, что не могло не отразиться и на образной структуре женского романа.

Если канонические романы начала – первой половины XX-го века (Б. Картленд, Х. Курц-Малер) назывались «розовыми» (*pink literature*) и представляли невинную, наивную, очень юную героиню, трепетно ожидавшую встречи с Любовью и ничего не знавшую о ней, кроме «сладкого томления в груди», романы конца 60-х – начала 80-х показывают женщину, которая стремится занять собственную профессиональную и социальную нишу. «Сладкое томление в груди» не отрицается, но и не ставится во главу угла. Романс этого этапа можно назвать эмансипированным [16].

И наконец, рубеж тысячелетий принес самые ощутимые изменения в романе: героиня – финансово, профессионально, социально самодостаточная женщина. Она умеет делать и любит свою работу, она снимает (покупает) отдельную квартиру, у нее есть необременительная и ни к чему не обязывающая любовная связь, круг приятных ей друзей-подруг, возможность участвовать в интересных публичных мероприятиях («тусовках»). В общем, можно считать, что она состоялась. Однако она часто раздражена, принимает на ночь снотворное, нередко пьет и курит сверх меры, а то и «балует» марихуаной, т.е. психологически и эмоционально ей не комфортно, при всей видимой успешности ей чего-то не хватает: в женский, назовем его постфеминистский, роман снова входит Он (Х. Филдинг, С. Кинзелла, К. Бушнелл). Это уже не обязательно ослепительный красавец-рыцарь на белом коне, Он уже не «без страха и упрека», это уже не сбивающая с ног любовь с первого взгляда, у Него есть недостатки, с которыми нужно мириться, но именно с Ним героиня чувствует себя «завершенной» (*complete*) женщиной, и имя ему – *Mr. Right*.

В постфеминистском романе героиня не только сильна, успешна, независима. Она еще и слаба, и нуждается в поддержке и защите, и хочет опереться на «его» плечо.

Можно ли сказать, что круг завершился, и женский роман вернулся к своим истокам? Не совсем так. Романс последнего периода существенно отличается от своего родоначальника, он приблизился к своему реалистическому собрату – *novel* – за счет отхода от почти сказочной, псевдо-экзотической ситуации и переключения на более узнаваемые для читательниц обстоятельства действия, его время, место, участников.

Диаметрально поменялся образ героини женского романа – изменились средства создания ее внешнего облика, т. е. ее стереотипный портрет, средства создания ее характера – она выполняет не свойственные ей ранее, традиционно маскулинные функции, которые, в сочетании с не ушедшими от нее исконно фемининными функциями, обозначаются как андрогинные [34], у нее новые морально-этические стандарты. Она весьма прагматичная представительница XXI-го века, несомненно сформировавшаяся в атмосфере активизации женского движения и феминизма.

И тем не менее, при всех своих свободах и достижениях, Она ждет Любви, вокруг поисков которой, как и сто лет назад, строится главный конфликт романа, что позволяет говорить об устойчивости жанра: «Жизнеспособность женского романа, при всей примитивности его формы и содержания, обуславливается вечным характером его тематики» [12, с. 36], т. е. приписываемой женщине извечной готовностью «ждать свою половинку» [24].

Литература

1. Арбатова М. Женская литература как факт состоятельности отечественного феминизма // Преображение. – 1995. – № 3. – С. 26-29.
2. Бессонова О. Л. Оцінний тезаурус англійської мови: когнітивно – гендерні аспекти. – Донецьк: ДонНУ, 2002. – 362 с.
3. Бовуар С. де. Второй пол / Под общ. ред. С.Г. Айвазовой. – М.: Прогресс; СПб.: Алетей, 1997. – 832 с.
4. Введение в гендерные исследования. Ч.1: Учебное пособие / Под. ред. И. А. Жеребкиной. – СПб.: Алетей, 2001. – 708 с. Ч.П: Хрестоматия / Под. ред. С. В. Жеребкина. – СПб.: Алетей, 2001. – 780 с.
5. Воронина О. А. Теория и методология гендерных исследований. – М.: МЦГИ, 2001. – 430 с.
6. Гапова Е., Усманова А. Предисловие // Антология гендерной теории / Сост., комм. Е. Гаповой, А. Усмановой. – Минск: Прополис, 2000. – С. 7-11.
7. Гендерные исследования. – № 1-4. – Харьков: ХЦГИ, 1998-1999.
8. Горошко Е. И. Электронная коммуникация (гендерный анализ) Общение. Языковое сознание. Межкультурная коммуникация. Сб. ст. / Ин-т языка РАН. – Калуга: КГПУ им. К.Э. Циолковского, 2005. – С. 65-81.
9. Гречушников Т. Ф. Феминистская лингвистика и авторское словотворчество // Женские и гендерные исследования в Тверском гос. ун-те. – Тверь: ТвГУ, 2000. – С. 52-68.
10. Дудолодова О.В. Динамика языковой репрезентации гендера в английском публицистическом дискурсе. – Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Харьков, 2003. – 20 с.
11. Емірсуїнова Г. І. Лексикон сучасного фемінізму. – Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Харків, 2003. – 19 с.
12. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – М.: Флинта; Наука, 2003. – 247 с.
13. Земская Е. А., Китайгородская М. А., Розанова Н. Н. Особенности мужской и женской речи // Русский язык в его функционировании. – М.: Наука, 1993. – С. 90-136.
14. Ивушкина Т. А. Язык английской аристократии: социально-исторический аспект. – Волгоград: Перемена, 1997. – 157 с.
15. Кирилина А. В. Гендерные аспекты языка и коммуникации. – Автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук. – М., 2000. – 40 с.
16. Колесничко Н. Ю. Немецкий «эмансипированный» женский роман // Записки з романо-германської філології. – Вип. 18. – Одеса: Фенікс, 2006. – С.41-50
17. Кучерская М. Галстуки их висят. – <http://www.rg.ru/2005/02/04/galstuk.html>
18. Мартинюк А.П. Констрування гендеру в англomовному дискурсі. – Харків: Константа, 2004. – 292 с.
19. Нохейль Р. Мечты и кошмары: о телесном и сексуальном в постсоветской женской прозе // Преображение. – 1996. – № 4. – С. 54-61.
20. Основы теории гендеру: Навчальний посібник. – К.: «К.І.С.», 2004. – 536 с.
21. Оценкова Е.С. Идентификация пола автора по письменному тексту (лексико-грамматический аспект). – Автореф. дисс...канд. филол. наук. – М., 2003. – 21 с.
22. Bebel A. Die Frau und Sozialismus. – Leipzig: Vlg der Völkerbuchhandlung, 1979. – 198 S.
23. Hawkins H. Classics and Trash: Traditions and Taboos in High Literature and Popular Modern Genres. – N.Y. etc.: Harvester Wheatsheaf, 1990. – 192 p.
24. Jones R. Mills & Boon meets feminism // The progress of Romance: The Politics of Popular Fiction / Ed. J. Radford. – L. etc.: Routledge, 1986. – P. 194-218.
25. Lodge D., Wood N. (eds). Modern Criticism and Theory: A Reader. 2-nd ed. – L. etc.: Longman, 2000. – 308 p.
26. Nichols P. Explorations of the Marvellous. L.: Fontana, 1978. – 242 p.
27. Olsen T. Silences. – N.Y.: Dell-Delta, 1979. – 172 p.
28. The Oxford Companion to English Literature. – Revised Ed/ Ed. By M. Drabble. – Oxf. etc.: Oxf. UP, 1998. – 1153 p.
29. Oxford Guide to British and American Culture / Ed. by J. Crowther. – Oxford: Oxf. UP., 2001. – 601 p.
30. Strecker G. Frauenträume – Frauentränen. Über den unterhaltenden deutschen Frauenroman.– Weilheim: Otto Wilhelm Barth Verlag, 1969. – 181 S.
31. Radway J. Reading the Romance. – Chapel Hill, N.Y.: UNC Press, 1984. – 204 p.

32. Rubin G. The Traffic in Women: Notes on the Political Economy of Sex // Toward an Anthropology of Women / Ed. by R. Reiter. – N.Y. etc.: Monthly Review Press, 1975. – P. 169-183.

33. Späth E. Das Konzept der Familie in den Erfolgsromanen Rosamunde Pilchers // Unterhaltungsliteratur der achtziger und neunziger Jahre / Hrsg. von D. Petzold und E. Späth. – Erlangen: Univ-Bibliothek, 1998. – S. 229-256.

34. Vetterling-Braggin M. (Ed). «Feminity», «Masculinity» and «Androgyny»: A Modern Philosophical Discussion. – N.Y.: Littlefield, Adams & Co., 1982. – 326 p.

Примечания

¹Миллз и Бун (*Mills & Boon*) – самое известное в Великобритании (и мире) издательство, основанное в 1908 г. и на протяжении почти столетия печатающее миллионы романов в год. Его однонаправленная деятельность и популярность сделала *Mills & Boon* синонимом стандартизованного низкопробного женского романа [29, с. 348].

Конакова Е. И.

ИНВАРИАНТНЫЕ ФОРМАЛЬНО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ТЕКСТА

Предметом рассмотрения данной статьи являются формально стилистические параметры англоязычных юридических текстов с точки зрения текстоцентрического подхода. Анализируемая проблема была объектом лингвистического исследования таких известных авторов, как И. Р. Гальперин, Е. Косериу, Холидей и др.

В данной работе текст рассматривается как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка и ряда особых сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющих определенную целенаправленность и прагматическую установку» [1: 18].

Законодательные памятники представлены законами (на древнеанглийском языке королей Этельберта, Уитреда, Хлотаря и Эдрика, Инэ, Альфреда (VII-IX века). Дополнением к ним служат источники последующего времени: законы Этельстана, Эдгара, Этельреда (X-XI вв.), Кнута от 1020 и 1227 гг.

Последние, включая и законы Альфреда, сохранились в нескольких списках и снабжены трактовкой их на латинском языке. Особняком стоят так называемые законы Вильгельма Завоевателя на латыни и среднеанглийском (англо-романском языке). Они интересны для сопоставления тех или иных юридических институтов на территории Англии и континенте.

Законы Генриха I, которые могут быть использованы исследователем англосаксонского общества в эпоху средневековья, завершают эту группу памятников.

Отдельную группу среди юридических памятников образуют фрагменты I-го Закона Этельстана, постановление Псевдо-Кнута X – начала XI века, договоры между отдельными королями и областями. Все они записаны на древнеанглийском языке и снабжены трактовками их на латыни.

Основной задачей данной статьи является выделение и описание некоторых основных формально-стилистических приемов современных англоязычных юридических документов, позиционируемых в рамках научного и/или официально-делового стиля. Стиль научного изложения – категория строго историческая. В разных странах он создавался в разное время. Предпосылки для его оформления и дальнейшего развития определялись: 1) общим состоянием науки и научных знаний в данной стране; 2) степенью развития литературно обработанного языка; 3) большими мастерами – писателями и учеными, которые обращались к родному языку в своих научных, исторических и критических сочинениях [2: 226].

Официально деловой стиль (ОДС) представляет собой исторически сложившуюся разновидность литературного языка и, подобно другим стилям, характеризуется только ему свойственной совокупностью качественных признаков, придающих ему своеобразие и определенность.

Материалом исследования послужили юридические документы англоязычных стран, позволяющих выявить общие закономерности и тенденции широкого англоязычного ареала. Среди наиболее частотных явлений анализируемых текстов следует выделить

I. Лексико-синтаксические:

• *лексический повтор* (т.е. появление в тексте одного и того же слова в контактной позиции, например:

1) A person registered after the passing of this Act under provision of the existing nationality Acts as a citizen of United Kingdom and Colonies or a British subject shall be citizen by registration (British Nationality Act, p.61);

2) Labour Relations Act 1974 (meaning of trade dispute), being agreement made by or on behalf of one or more employers or one or more organisations of employers (Ibid, p.123) ;

• *рекуррентцию* (воспроизведение в тексте одного и того же слова не в смежном – контактном положении, а на некотором расстоянии, например:

1) § 2. If any Public Bill (other than a Money Bill or Bill containing any provision to extend the maximum duration of Parliament beyond five years) is passed by the House of Commons in three successive sessions...

§ 4. ... any amendments which are certified by the Speaker to have been made by the House of Lords in the third session and agreed to by the House of Commons ... (Parliament Act, 1911, p. 108);

• *политтон* (повтор, при котором повторяющиеся слова занимают разные синтаксические позиции в предложении, например:

1) ... the job is likely to involve the holder of the job doing his work, ... (Sex Discrimination Act, 1975, p.119).

• *анафору* (повтор элемента/группы элементов в начале предложения, например:

1) (a) such of the rights of the person to be discriminated against;

(b) such of the rights of any person who will be treated more favorably in direct or indirect consequence of the discrimination, (Labour Relations Act, 1974, 123);

2) (a) to the termination of the person's employment by the expiration of any period ...

(b) to the termination of the person's employment or be any act of his (including the giving of notice); ... (Sex Discrimination Act, 1975, p. 120)